

Голотвина Ольга Владимировна, соискатель каф. литературы ЛГПУ преподаватель литературы Усманского профколледжа, г.Липецк

Категория правды в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон» и тетралогии Ф.А. Абрамова «Братья и сестры».

Многочисленные изыскания отечественных и зарубежных исследователей, пытающихся постичь и описать своеобразие русского мира, нередко содержат перечень национальных качеств, противоположность которых отчасти обеспечивает «загадочность» русской души. Одним из неизменных существенных свойств русского человека стабильно отмечается его неудовлетворенность насущным и стремление к правде, вмещающей в себя истину, справедливость и благо, потребность в которой возрастает в моменты исторических потрясений.

Интенсивность, масштаб и трагизм событий в нашей стране в XX веке, и, вместе с тем, зыбкое положение человека в стремительно меняющемся мире придали традиционным для Русской литературы феноменам странничества и правдоискательства острое социально-политическое звучание, позволили писателям по-новому взглянуть на необходимость национального становления и духовного самоопределения.

М.А. Шолохову, одному из крупнейших писателей прошедшего столетия, впервые удалось показать столь масштабную картину исторического переустройства в восприятии простого человека, изобразив его самого как целостную личность, стремящуюся к правде, добру и справедливости, тем категориям, о которых несколько десятилетий спустя как об основополагающих будет говорить и Ф.А. Абрамов¹.

Руководствуясь этимологией слова «правда» (от древнеслав. «правъ-»), можно говорить, с одной стороны, о пространственной («правый» – «левый»), а с другой – о правовой и нравственной сферах ее распространения. В последнем случае *правый* приобретает значения: «праведный», «прямой, правильный, невиновный», «добрый, честный, порядочный», «выдающийся, превосходящий», «смелый»². Следует заметить, что в такой трактовке данная категория весьма субъективна, а ее границы каждый человек может определять по-своему, руководствуясь лишь совестью.

Это дает возможность говорить о том, что на поиски *правды* Григория Мелехова, героя эпопеи М.А. Шолохова, толкает именно его беспокойная совесть, она же призвана выверять его поступки, обусловленные не формулой «с кем быть, чтобы выжить», а «к кому прислониться, чтобы оставаться человеком», чтобы «целуя ребенка, открыто глянуть в ясные глаза»³.

Война как кризис человеческих отношений порождает в нем перелом и кризис нравственный, становится отправной точкой духовного, а позже и физического странствования, будит потребность в искании путей к *справедливому* устройству народной жизни, всеобщему благу. Необходимость уби-

вать вступает в противоречие с врожденным нравственным законом, «человеческой правдой», запрещающей насильно прерывать естественный жизненный круговорот. По мнению В.А. Чалмаева, в поисках Григория приоритетна грань не между «красными» и «белыми», а именно между природным началом и всем, что делает его страшным, постаревшим, пугающим даже сына⁶.

Убив австрийца, жить, как прежде он уже не может. Подсознательный протест против разлома бытия, несправедливости войны, желание покончить с ней, избыть свою вину и приводит героя к идеям большевиков. На какое-то время Мелехову кажется, что эта волна, захлестнувшая сотни тысяч людей, и есть то, к чему он стремился, но «в вопросах совести закон большинства не действует»⁷. После расправы Подтелкова с чернецовцами, спора с коммунистами хутора Татарского Котляровым и Кошевым о новой власти его колебания усиливаются, ставят на грань «в борьбе двух начал», вновь толкают на поиск истины, на сей раз вне красных и белых, так как ему «ни те, ни эти не по совести», так как ни те, ни другие не могут удовлетворить его потребности в справедливости.

Горячая пульсация братоубийственной войны приводит Мелехова к выводу о том, что «у каждого своя правда... надо биться с тем, кто хочет отнять жизнь, право на нее» (Т.4, 194). Получив поддержку казаков, он обретает и возможность реализовать свою волю. а то, что Григорий многократно избегал смерти, создало вокруг него ореол заговоренного божественного избранника, чей путь осе-нен высшей правдой. Поэтому он воспринимается многими как народный герой, способный возродить утраченную справедливость и воплотить надежды. «Ты – наша гордость! Тобой только и на свете держимся!.. Мы хотим перетряхнуть власть. Всех сменим и посадим тебя» (Т.4, с. 268-269), – говорят ему казаки, тая мысли отделиться от Дона и установить у себя некое подобие Советской власти без коммунистов.

Иллюзорное ощущение приоткрывшейся правды, заключавшейся в некоем животном первенстве в обладании донской землей, пришедшее вместе с восстанием, в его душе вновь сменяется «неразрешенным, саднящим противоречием... чувством неправоты своего дела» (Т.4, с. 225). Осознание своей вины в том, что «неправильный у жизни ход», становится причиной пьянства и, вместе с тем, поиска путей выхода. Символична в этом плане сцена погони за полоской света как будто ведущей к обретению высшего смысла. «Необъяснимое и неосознанное, явилось вдруг желание догнать бегущий по земле свет... стал приближаться к текучей грани, отделявшей свет от тени» (Т.4, с. 275). Припадок отчасти и является этим торжеством пробудившейся в нем гуманистической правды, сам же он ставит себе диагноз: «сердце пришло в смятению» (Т.4, с. 284).

Неоднократно Шолохов изображает своего героя, балансирующим «на грани», его слепоту, искания «на ощупь» («опаленный слепой ненавистью», с «невидящими открытыми глазами», «помутилось в голове»), что во многом определяется неясностью пути к той самой правде, «под крылом которой мог бы посогреться всякий» (Т.4, с. 194), правде, наполнявшей смыслом жизнь многих поколений предков, и так сладко манящей его во сне. Вне зависимости от того, в каком лагере он находится, Гри-

горий видит себя мирно пашущим землю, заботящимся о близких, живущим по меркам традиционной нравственности. «Моим рукам работать надо, а не воевать. Вся душа у меня изболелась за эти месяцы» (Т.5, с. 472) – подведет он позже итог попыткам найти свою стезю.

Совесть имеет непосредственную связь с такими понятиями, как *честь и порядочность*. Д.С. Лихачев отмечал: «Честь истинная – всегда в соответствии с совестью... В чем выражается внутренняя честь? В том, что человек держит слово... Ведет себя порядочно – не нарушает этических норм, соблюдает достоинство, не пресмыкается перед начальством, перед любым «благодаяющим», не подлаживается к чужому мнению, не упрямится, чтобы доказать свою правоту, не сводит личные сче-ты...»⁸. В полной мере эти слова могут относиться и к Григорию Мелехову. Его стремление следовать человеческой правде связано не только с выбором дороги, но и с ежедневным сопротивлением злу, «прирожденной порядочностью»⁹. Интуитивно храня свою *казачью честь*, не задумываясь о выгоде или компрометирующих последствиях, он пытается защитить Франю, вступает в столкновение с Чубатым из-за порубленного тем пленного австрийского офицера, будучи сам ранен, выносит русского офицера, подвергая себя опасности, спасает в бою Степана, открыто осуждает отца за грабежи, препятствует мародерству подчиненных ему казаков, самовольно распускает томившихся в тюрьме мирных станичников во время восстания, спешит спасти захваченных в плен Ивана Алексеевича и Мишку от смерти, спорит и даже угрожает генералу Фицхелаурову и т.д.

«Кто же прав», «к кому же прислониться», где найти выход и каков путь к добру? Убивать, приумножая зло? Мелехов слушает деда Гришаку, который указывает ему самый тяжелый, но, вместе с тем, единственно верный путь, читая сказание Иеремии-Пророка, суть которого сводится к покаянию, смирению, жизни для других. Но герой ни в прямом, ни в переносном смысле его слов понять не может. Лишь в открытом финале романа, исходив сотни дорог, потеряв дорогих людей, силы и время, Григорий Мелехов находит, наконец, смысл жизни, обретая эту христианскую правду, понимаемую как отказ от насилия, смирение и жертвенный самоотказ.

Ф.А. Абрамов, никогда не ставя под сомнение величие Шолохова-писателя как создателя гениального «Тихого Дона», а также глубину и масштабность характера его главного героя, высказал мнение о том, что М.А. Шолохов в своем первом романе недостаточно внимания уделил нравственным проблемам. Так, в дневниковой записи от 19 марта 1974 г. он отметил: «Муки совести, комплекс неполноценности, неуверенности, извечные поиски добра, идеала, где они? Аксинья отнимает у Натальи Григория, но разве она мучается из-за этого? Разве грызет ее совесть? А Григорий? Зарубил матросов, нет ему прощения из-за этого – так. А где он казнит себя из-за того, что растоптал жизнь Натальи?»¹⁰.

Такая претензия Ф.А. Абрамова обусловлена его высочайшей требовательностью к моральному облику соотечественника, представлениями о нравственном максимализме, обостренной совестливости как одним из ведущих качеств русского народного характера.

В своем подходе к литературе, в осмыслении ее роли в обществе, в понимании миссии писателя взгляды Ф.А. Абрамова восходят к традициям классической литературы, прежде всего творчеству Л.Н. Толстого и М.А. Шолохова, заключающимся в требовании соответствия художественного произведения жизни. Невзирая на приклеенный к нему конъюнктурной критикой ярлык «очернителя», он всегда боролся с художественной «лакировкой действительности», с «розовой водицей» в литературе, начиная со статьи «Люди колхозной деревни в послевоенной прозе» (1954) и заканчивая последним романом тетралогии – «Дом». В своих дневниках, полных сомнений, мучительного выбора и переживаний, еще 10 октября 1969 года Ф.А. Абрамов сформулировал один из главных принципов своего творчества: «Я стараюсь писать то, что есть. Правда, правда и еще раз правда»¹¹.

Жизненная позиция автора тетралогии «Братья и сестры» цементирует сам образ абрамовского героя, не подвергающего сомнению однозначность такой базовой для русского самосознания характеристики как совесть. Михаил, старший из братьев, не сомневается, как именно жить, его мучает другое – как сделать так, чтобы все жили по правде, понимаемой здесь как идеал и закон, как норма традиционной народной этики и нравственности.

В его характере писатель воплощает свои представления о традиционном образе русского крестьянина, поэтому понимание героем «жизни по совести» максимально приближено к «труду по совести», «труду для людей», «трудоу чести». Однако трудолюбие само по себе не главное в его натуре. Как справедливо заметил Ш.З. Галимов, «доминанта этого характера, его определяющая страсть – хозяйское, активное, глубоко заинтересованное отношение к жизни...»¹², остающееся ведущим на протяжении всех частей тетралогии. Его привычка «быть за все в ответе» берет начало еще в те годы, когда после гибели главы семьи он вынужден был стать братом-отцом, рано повзрослев, сесть за стол хозяином, не только раздающим, но и добывающим хлеб, когда он в полной мере разделил тяготы «великой страды» сороковых годов. То же чувство позже не позволяет ему отказаться от брони и уйти в армию, заставляет бесплатно чинить домашнюю утварь старухам-солдаткам, толкает его к брошенным колхозным лошадям (хотя должность конюха всеми презираема), оно же причина раздоров с председателем-формалистом Таборским и ему подобными.

Близкий Пряслину по своей сопричастности ко всему происходящему вокруг герой Б.Васильева Егор Полушкин, говорил: «Всякое место, оно все равно наше, общее... лес да река, поля да облака. Чьи они?... А мои, стало быть, береги свое-то. Не допускай разору: твоя земля. Уважай... Все мы в одном доме живем, да не все хозяева»¹³. Чтобы вступить за землю, чтобы бескорыстно помогать людям, живущим на ней, надо иметь внутри самого себя стойкое ощущение дома, границы которого определены лишь размерами души. «Главный-то дом человек в душе у себя строит» – замечает Евсей Мошкин, выражая не только гуманистический пафос «Дома», но и суть мировосприятия самого Ф.А. Абрамова: «До тех пор, пока мы сами, каждый из нас... не поймет ... что все дела – это мои дела, и что большой наш дом строится только общими усилиями ... до тех пор мы ничего не изменим»¹⁴.

Н.А. Бердяев писал: «Русский человек не ищет истины, он ищет правды»¹⁵. Ф.А. Абрамов прямо указал на противоречие многовекового, должного уклада жизни и на сущность правды жизни 70-х годов, изображенных в романе «Дом». Истина-реальность насущного дня Пекашино – в понимании государственной установки на исполнение постановлений и директив как «наше дело маленькое» и «за нас уже подумали». Михаил не приемлет эту данность, он пытается донести правду традиционную, хозяйскую. Раньше отстаиваемые им ценности самозабвенного труда не находились в конфликтных отношениях с окружающей действительностью, теперь же новое время из «рыцаря совести» делает лишнего человека, юридического. «Бывало, сенокос начнется – все хотят под руку Михаила, отбою нету, а теперь не больно. Теперь с кем угодно, только не с Михаилом»¹⁶ – с горечью говорит Лиза.

Протест старшего Пряслина оформляется в конкретные действия после столкновения с жизненной установкой председателя Таборского: «сам цыган и другим цыганить не мешаю» (701). Такая «цыганская» правда для героя не приемлема, хотя она и условно отвечает субъективному идеалу справедливости о возмещении обделенным колхозникам за их многолетний, практически бесплатный труд в колхозе, о чем речь идет в предшествующих романах тетралогии, в том числе – «Пути-перепутья».

Иван Дмитриевич Лукашин, став председателем, трезво оценивал положение, поэтому-то и не обещал колхозникам картинного благополучия. И в послевоенные годы он остался «солдатом», по совести исполнявшим свой *долг*, защитником интересов колхоза, по замыслу писателя, человеком не только делающим, но и думающим – «героем времени». Это становится одной из причин его непростых отношений с односельчанами. Недостроенный коровник, частные сенокосы – далеко не полный перечень «бед», с которыми он вел войну.

На первый взгляд, правая сторона в этом противостоянии очевидна, но конфликт Лукашина и умелого плотника Петра Житова, отказывающегося работать за «пустой» трудодень, – это жизненное противостояние двух правд. По сути, эту вторую правду-справедливость понимает и сам Лукашин («...Я ведь только и знаю, что кнутом размахиваю. Потому что, кроме кнута да глотки, у меня ничего нет. А надо бы овсецом, овсецом лошадку подгонять... Да и какой... голодный – работник!» (487)), и его жена, бывшая председательница Анфиса Петровна («...по мне, дак больно еще хорошо работают. За такую плату...» (474)), и первый секретарь Подрезов («Накормить людей досыта – это всем задачам задача» (486)). Корни недобросовестного труда в колхозе кроются не столько в нравственном, сколько в экономическом и социальном факторах. Люди работают за «пустопорожний» трудодень и по-прежнему, спустя несколько лет после войны, мечтают накормить семьи. Поэтому, мужики предпочитают выгрузку товаров, которая дает возможность заработать «буханку», оставляя без рук столь нужную колхозную стройку.

Ощущение безысходности, пассивное выражение возмущения наряду с жадной потребностью в правде рождает в некоторых из них желание уйти от реальности, забыться вином. На такое сочетание

долготерпения и бунта в русской душе указывал еще Н.А. Некрасов, герои которого настойчиво искали на Руси счастливого:

У каждого крестьянина
Душа что туча черная –
Гневна, грозна, – и надо бы
Громам греметь оттудова,
Кровавым лить дождям,
А все вином кончается¹⁷.

В сознании Пряслина возникает неистребимая потребность понять: почему так происходит и как изменить существующую данность? Юношеские мысли о причинах несоответствия насущного должному («где-то шумела большая жизнь, где-то жили крылатые люди-богатыри... А в Пекашине? Какая жизнь?» (304)) сменяются озлоблением (фрагмент подвергся цензурному изъятию): «Ведь то, что у них делается в Пекашине, – по всей России делается. Может, из-за этого мы и хлеб из Америки который год ввозим... А как, как дошли до такой жизни? Россия – целина»¹⁸.

Поиск ответа на эти и другие вопросы приводит героя к пониманию того, что ответственность за окружающий развал и запустение лежит на каждом: «Может, потому все и идет у них через пень-колоду, что они сами колоды лежачие» (772). Такое откровение в корне соответствует жизненной позиции самого писателя: «Я взываю к вашей инициативе, к активности, к тому, чтобы человек был человеком»¹⁹.

Оставаясь по колено в земле, думая о «хлебе насущном», противодействуя равнодушию и безхозяйственности, Михаил не лишен и духовного поиска. В течение тридцати лет, запечатленных в тетралогии, он пытается постигнуть истинный смысл слов, сказанных ему уходящим на фронт отцом. Не имея времени на серьезный разговор, глядя в глаза Мишке, Иван Пряслин сказал только: «Ты понял, сынок?». Постижение глубины отцовского завета, заключавшегося в заботе о доме и земле, в семейном единении и взаимопомощи, происходит в момент тяжелейшей утраты, трагической гибели отвергнутой им после рождения ею «незаконных» близнецов сестры Лизаветы, сельской *праведнице*, неизменно верившей в то, что «лучше уж совсем на свете не жить, чем без совести» (610).

Ф.А. Абрамов говорил: «Чего просит его [Михаила – О.Г.] душа?... Правды, полного и скорейшего торжества справедливости в жизни. Но он не из тех, кто только разглагольствует на эту тему... он делом своим, каждым прожитым днем борется за справедливость»²⁰. Путь непротивления, исповедуемый дедом Гришакой и познаваемый Григорием Мелеховым, совершенно неприемлем для Пряслина и самого Ф.А. Абрамова, считавшего, что «надо быть не правдоискателем, а правдоустроителем»²¹.

С.В. Ефимова, исследуя онтологию правдоискательства²², выделяет *мистический*, характеризующийся поиском правды во внутреннем мире человека, и *деятельностный* тип правдоискателя, акцентирующий внимание на внешних действиях и поиске правды в окружающем человека мире. Понимая прозрачность границ между двумя названными типами, полагаем, что главных героев М.А. Шолохова и Ф.А. Абрамова справедливо отнести ко второму из них. И Мелехов, образ которого по своей художественной мощи Ф.Абрамов ставил рядом с «самыми вершинными созданиями человеческого гения в искусстве всех времен и народов»²³, и Пряслин не просто способны изменить мир, они берут на себя ответственность за происходящее перед историей, обществом и близкими.

Обладающие социально-политическими истоками попытки Григория найти универсальную «правду» и гражданственная непримиримость, воинственность Михаила по отношению к подлости в разных сферах жизни обладают общностью нравственных канонов, определяются потребностью души каждого из героев жить по совести. Это обуславливает суть однонаправленности их жизненных дорог, которым суждено было пролечь сквозь разные исторические эпохи. Правда для М.А. Шолохова и его разноликих персонажей выступает важнейшей нравственной величиной, направляющей личность к добру и свету. Православное мировидение писателя проводят Григория Мелехова через трагические испытания к смирению. Взгляды же, гражданская позиция Ф.А. Абрамова провозглашает в Пряслине призыв к личной активности, противоборствующей равнодушию и несправедливости.

Примечания

¹ Подробнее об оценке Ф.А. Абрамовым личности и творчества М.А. Шолохова см. *Голотвина О. М.А. Шолохов в восприятии Ф.А. Абрамова: парадоксы и закономерности // Известия вузов. Серия «Гуманитарные науки». Иваново, 2012. – Т.3. – Вып. 2. С. 110-114.*

² *Фасмер Макс* Этимологический словарь русского языка в 4 т. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – 2-е изд. – М.: Прогресс, 1987. – Т.3. С.352.

³ *Шолохов М.А.* Собр. соч. в 9 т. / Прим. Л. Вольпе. – М.: Художественная литература, 1965. – Т. 3. С.50. Далее текст романа цитируется по этому изданию с указанием в скобках тома собр. соч. и страниц.

⁴ *Дырдин А.А.* Правда как жизненная ценность и мера духовности в романе-эпопее «Тихий Дон» // Творчество писателя в национальной культуре России. Сборник статей. – Ростов-на-Дону: ООО «Ростиздат», 2000. С.53.

⁵ *Желтова Н.Ю.* Проза первой половины XX века: Поэтика русского национального характера. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. ун-та, 2004. С.261.

⁶ *Чалмаев В.А.* На гребне века. Путь Григория Мелехова // Литература в школе. – 2004 –№10. С. 15.

⁷ В мире мудрых мыслей / Сост. А.О. Давтян. – СПб.: Нева; – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. С.352.

⁸ *Лихачев Д.* Заметки и наблюдения: Из записных книжек разных лет. – Л.: Советский писатель, 1989. С.572.

⁹ *Ермолаев Г.С.* Михаил Шолохов и его творчество. – СПб.: Академический проект, 2000. С. 152.

¹⁰ *Абрамов Ф.* Так что же нам делать? (Из дневников, записных книжек, писем. Размышления, сомнения, предостережения, итоги) / Сост. Л.В. Крутикова-Абрамова. – СПб.: Журнал «НЕВА», 1995. С.34.

¹¹ Там же. С. 23.

¹² *Галимов Ш.З.* Федор Абрамов. Творчество, личность. – Архангельск: Северо-Зап. кн. изд-во, 1989. С.156.

¹³ *Васильев Б.* Не стреляйте белых лебедей. – М.: Детская литература, 1981. С. 138-139, 220.

¹⁴ *Абрамов Ф.* Горжусь, что я из деревни. Из встречи в Концертной студии Останкино, 81 год // 15 встреч в Останкино. – М.: Политиздат, 1989. С.112.

¹⁵ Цит. по *Желтова Н.Ю.* Константы национального характера в литературе первой половины XX века. – Тамбов, 2006. С.53.

¹⁶ *Абрамов Ф.* Братья и сестры: Роман в 4-х кн. – Л.: Советский писатель, 1982. С. 649. Далее текст романа цитируется по этому изданию с указанием страниц в скобках.

¹⁷ *Некрасов Н.А.* Кому на Руси жить хорошо // Избранные сочинения. – М.: «Художественная литература», 1989. С. 346.

¹⁸ *Крутикова-Абрамова Л.В.* Жива Россия. Федор Абрамов: его книги, прозрения и предостережения. – СПб.: АТОН, 2003. С. 134. Приведенный отрывок был изъят при первой публикации романа без согласия Ф.А. Абрамова.

¹⁹ *Абрамов Ф.* Душа и слово. Размышления о литературе, об искусстве, о слове и творчестве, о призвании и роли художника, о судьбе страны, народа и человека: статьи, выступления, беседы, интервью, заметки. – Архангельск: ОАО «ИПП Правда Севера», 2011. С. 56.

²⁰ *Абрамов Ф.* Слово в ядерный век. Статьи; очерки; выступления; интервью; литературные портреты; воспоминания; заметки. – М., 1987. С. 289.

²¹ Там же. С. 441.

²² *Ефимова С.В.* Онтология правдоискательства : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филос. наук. – Омск, Омск. гос. пед ун. 2001. 15 с.

²³ *Абрамов Ф.* Душа и слово... С.274.